

Николай Михайлович Пржевальский

**Из Зайсана через Хами в
Тибет и на верховья Желтой
реки. Третье путешествие в
Центральной Азии 1879-1880**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Н63

Н63 **Николай Михайлович Пржевальский**
Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879-1880 / Николай Михайлович Пржевальский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 118 с.

ISBN 978-5-458-04238-3

В издании представлены обработанные М.А.Лялиной подлинные сочинения российского путешественника и натуралиста Н.М.Пржевальского., Издание предваряется вступительными статьями проф. Э.Ю.Петри, содержит 5 глав:, Путешествие по Уссурийскому краю, Монголия и страна тангутов, Из Зайсана через Хами в Тибет на верховья Желтой реки, От Кяхты на истоки Желтой реки; исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима.

ISBN 978-5-458-04238-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Михайлович
Пржевальский
Из Зайсана через Хами в Тибет
и на верховья Желтой реки
Третье путешествие в
Центральной Азии 1879-1880

часть 1

Исследованием Лоб-нора и Западной Чжунгарии закончилось второе мое путешествие в Центральной Азии. Постигнутый болезнью как результатом чрезмерного напряжения сил, различных лишений и неблагоприятных климатических условий, я принужден был отказаться от намерения пройти из Кульджи в Тибет через Хами и в конце 1877 года возвратился из города Гучена в наш пограничный пост Зайсанский. Здесь в течение трех месяцев при заботливом внимании местных врачей здоровье мое достаточно восстановилось. Тогда я выступил было вновь из Зайсана в путь, как получил телеграммою из С.-Петербурга приказание отложить на время экспедицию ввиду обострившихся затруднений наших с китайцами по поводу владения Илийским краем.

По пословице «нет худа без добра» подобная, обязательная отсрочка путешествия явилась весьма кстати. Мне можно было ехать на родину и здесь в продолжение лета 1878 года, в тиши деревни, окончательно отдохнуть от многообразных невзгод лобнорского путешествия.

Со всегдашней горячей готовностью откликнулись Географическое общество и военное министерство на поданный мною проект о новом путешествии в глубь Азии. Целью этого путешествия намечался далекий, малоизвестный Тибет. Путем же следования было избрано направление из Зайсана через Хами, Са-чжеу и Цайдам — по местностям, которые сами по себе представляли высокий научный интерес. Срок путешествия полагался двухлетний; личный состав экспедиции определен был в 13 человек; на расходы исчислялось 29 тысяч рублей.

Ближайшими моими помощниками, принесшими неоценимые услуги делу экспедиции, были два офицера — прапорщики Федор Леонтьевич Эклон и Всеволод Иванович Роборовский.

Первый из них, еще будучи юнкером, сопровождал меня на Лоб-нор; второй теперь впервые отправлялся в Азию. Эклону поручено было препарирование млекопитающих, птиц и пр. — словом, заведывание зоологической коллекцией; Роборовский же рисовал и собирал гербарий. Кроме того, оба названных офицера помогали мне и в других научных работах экспедиции. В составе последней находились, кроме того, трое солдат: Никифор Егоров, Михаил Румянцев и Михай Урусов. Пять забайкальских казаков: Дондок Иринчинов — мой неизменный спутник при всех трех путешествиях в Центральной Азии, Пантелей Телешов, Петр Калмынин, Джамбал Гармаев и Семен Анносов; вольнонаемный препаратер отставной унтер-офицер Андрей Коломейцев и переводчик для тюркского и китайского языков, уроженец города Кульджи, Абдул Басид Юсупов, уже бывший со мной на Лоб-норе.

Таким образом, вся наша экспедиция состояла из 13 человек — как нарочно, из цифры, самой неблагоприятной в глазах суеверов. Однако последующий опыт путешествия доказал всю несправедливость нареканий, возводимых на так называемую «чертову дюжину».

Притом более обширный персонал экспедиции едва ли был на пользу дела. В данном случае, более чем где-либо, важно заменить количеством качеством и подобрать людей, вполне годных для путешествия. Каждый лишний человек становится обузой, в особенности если он не удовлетворяет вполне всем требо-

ваниям экспедиции. В длинном же ряду этих требований далеко не на последнем месте стоят нравственные, или, вернее, сердечные, качества. Сварливый, злой человек будет неминуемо великим несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела.

Затем на стороне маленькой экспедиции то великое преимущество, что нужно гораздо меньше различных запасов, равно как выючных и верховых верблюдов, которых иногда совершенно нельзя достать; легче добыть продовольствие, топливо и воду в пустыне; легче забраться в труднодоступные местности — словом, выгоднее относительно выполнения прямых задач путешествия. При этом, конечно, обязательно откинуть всякий комфорт и довольствоваться лишь самым необходимым.

Проводником на первое время взят был нами киргиз* Зайсанского приставства Мирзаш Аллиаров, тот самый, который осенью 1877 года водил нас из Кульджи в Гучен. * В этом разделе киргизами автор называет казахов. В старой русской литературе очень часто не делали различия между ними. (Примеч. редактора.)

Мирзаш отлично знал прилежащую к нашей границе западную часть Чжунгарии, где много лет занимался барантою, то есть воровством лошадей. Как известно, подобный промысел нисколько не презирается у киргизов; наоборот, искусный барантач считается удалцом, заслуживающим удивления и похвалы. Мирзаш своими подвигами снискал себе даже почетное прозвище батырь, то есть богатырь. Этот богатырь сам сознавался нам, что в продолжение своей жизни (ему тогда было 53 года) украл более тысячи лошадей; неоднократно бывал в самом трудном положении, но обыкновенно выпутывался из беды. Впрочем, большой шрам на лбу, нанесенный топором хозяина украденной лошади, ясно свидетельствовал, что не всегда благополучно проходили нашему герою его воровские похождения. Как проводник Мирзаш был очень полезен; только необходимо было его держать, как говорится, в ежовых рукавицах.

На восходе солнца 21 марта караван наш был готов к выступлению. Длинной вереницей вытянулись завьюченные верблюды, привязанные один к другому и разделенные для удобства движения на три эшелона. Казаки восседали также на верблюдах. Остальные члены экспедиции верхом на лошадях. Каждый эшелон сопровождался двумя казаками, из которых один вел передового верблюда, другой же подгонял самого заднего. Впереди всего каравана ехал я с прапорщиком Эклопом, проводником и иногда одним из казаков. Прапорщик Роборовский следовал в арьергарде, где также находился переводчик Абдул Юсупов, препаратор Коломейцев и остальные казаки. Здесь же под присмотром казака то шагом, то рысью, не забывая притом о покормке, двигалось небольшое стадо баранов, предназначенных для еды.

Наконец волонтерами из Зайсана с нами отправилось несколько собак, из которых, впрочем, впоследствии оставлено было только две; одна из них выходила всю экспедицию.

Итак, мне опять пришлось идти в глубь азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его

кормилица и защитница. И, по всему вероятно, люди живут здесь с незапамятных времен, так как пастушеская жизнь, не требующая особого напряжения ни физических, ни умственных сил, конечно, была всего пригоднее для младенческого человечества. Притом же в зависимости от постоянного однообразия физических условий быт кочевников, конечно, не изменился со времен глубочайшей древности. Как теперь, так и тогда войлочная юрта служила жилищем; молоко и мясо стад — пищей; так же любил прежний кочевник ездить верхом; так же был ленив, как и в настоящее время. Сменились народы пустыни, вытесняя один другого; сменилась их религия, переходя от фетишизма и шаманства к буддизму, но самый быт кочевников остался неизменяемым. Консерватизм Азии достиг здесь своего апогея!

Местность по пути от Зайсана до озера Улунгур довольно рельефно обрисована. На юге высокой стеной стоит хребет Саур, достигающий в вечноснеговой группе Мус-тау 12 300 футов абсолютной высоты; на севере вдаль виден Алтай. Между этими хребтами расстилается обширная долина Черного Иртыша, изобилующая вблизи названной реки бугристыми сыпучими песками. Пески эти поросли мелкой березой, осиною и джунглом; кроме того, здесь встречаются джунгулы монгольский, курчавка, хвойник; нередок также песчаный тростник; по лощинам, между буграми, растет довольно хорошая трава, доставляющая корм стадам кочующих здесь зимою киргизов.

Вне песков описываемая равнина имеет почву глинисто-солонцеватую, в лучших местах покрытую высоким чием, или, по-монгольски, дырисуном. Ближе к горам местность начинает полого повышаться, а вместе с тем появляются галька и щебень — продукты разложения горных пород Саура. Последний коротко и круто обрывается на юг; на север же имеет длинный, изборозженный ущельями склон и непосредственно связывается здесь с другими, меньшими горными группами, из которых Кишкин-тау стоит возле самого Зайсана. К северо-западу от Саура ответвляется невысокий хребет Манрак, а на западе Саур соединяется с Тарбагатаем. На востоке от снеговой группы Мус-тау описываемый хребет начинает быстро понижаться и с поворотом к северо-востоку, под именем Кара-адыр, небольшими возвышениями оканчивается возле западного берега озера Улунгур.

Южный склон Саура безлесен. На северном же склоне этих гор, в которых, нужно заметить, побывать нам не удалось, в высоком поясе видны с долины довольно обширные площади лесов, состоящих, как говорят, почти исключительно из сибирской лиственницы. Другие древесные породы, как-то: осина, береза, тополь, рябина, дикая яблоня и кустарники — смородина, жимолость, малина, боярка, черемуха, шиповник, таволга и пр., запряты в глубине ущелий, по дну которых от вечных снегов Мус-тау бегут многочисленные ручьи.

Мы пришли на озеро Улунгур 31 марта. Озеро еще сплошь было покрыто льдом, хотя уже непрочно; небольшие полыньи встречались только у берегов. Сверх ожидания, пролетных птиц, даже водяных, оказалось немного, хотя валовой пролет уток начался близ Зайсана еще в половине марта, и к концу этого месяца в прилете замечено было 37 видов птиц. На Улунгуре же мы встретили в это время валовой пролет только лебедей, обыкновенно стадами в несколько сот экземпляров. Стада эти летели то довольно высоко, то очень низко и присаживались отдохнуть на льду озера. Притом все лебединые стаи направлялись не

прямо на север, но с западного берега Улюнгура поворачивали к востоку на озеро Зайсан, конечно, для того чтобы облететь высокий, в это время еще весьма обильный снегом Алтай.

В четырех верстах за Булун-тохоем мы вышли на берег реки Урунгу, единственного, но вместе с тем весьма значительного притока озера Улюнгур. Истоки Урунгу лежат в Южном Алтае.

Миновав низовья Урунгу, мы вступили в область ее среднего течения, где, как упомянуто выше, котловина реки сильно суживается скалами и крайними обрывами соседней пустыни. Эти скалы и обрывы оставляют по берегам Урунгу лишь узкую полосу, обыкновенно поросшую лесом, часто же совершенно стесняют течение реки и только изредка отходят от нее на несколько верст в стороны. Дорога, все время колесная, не может уже следовать, как в низовьях Урунгу, недалеко от ее берега, но большей частью идет по пустыне, где щебень и галька скоро портят подошвы лап вьючных верблюдов. Не меньше достается и сапогам путешественника, который хотя едет верхом, но все-таки нередко слезает с лошади, чтобы пройтись и размять засиженные ноги. Притом же и время перехода при таком попеременном способе движения проходит быстрее.

Однако ночлеги по-прежнему располагаются по берегу Урунгу, где караваны находят все для себя необходимое, то есть воду, топливо и корм животным. Впрочем, подножный корм на средней Урунгу не особенно обилен, да и лесная растительность гораздо беднее, нежели на низовье реки. Рощи, за небольшими исключениями, более редки; лугов и тростниковых зарослей мало, так что почва в лесах зачастую голая глина, из которой при неимении другого материала наши обыкновенные муравьи строят свои жилые кучи. Кочевников по-прежнему нам не встречалось, и только в расстоянии 25–30 верст друг от друга попадались китайские пикеты, на которых жили по несколько человек тургоутов, исполнявших должность ямщиков при перевозке китайской почты.

Но незадолго перед нами в тех же самых местах, то есть на средней Урунгу, провели целую зиму киргизы, убежавшие летом и осенью 1878 года из Усть-Каменогорского уезда, Семипалатинской области, в пределы Китая. Всего ушло тогда 1800 кибиток в числе приблизительно около 9000 душ обоего пола.

Беглецы укрывались частью в Южный Алтай, частью на реку Урунгу. Впрочем, они попали сюда, попробовав сначала двинуться из Булунтохоя прямой дорогой к Гучену.

Пустыня оказалась непроходимой, и партия вынуждена была возвратиться на Урунгу, где провела зиму 1878/79 года, испытав страшные бедствия от бескормицы для скота.

Мы шли по средней Урунгу, как раз теми самыми местами, где зимовали киргизы, укрывавшиеся незадолго перед нашим приходом к верховьям описываемой реки. На этой последней, начиная верст за сто от ее устья и до самого поворота гученской дороги вправо от Урунгу, то есть всего верст на полтора, зимовые кочевья киргизов встречались чуть не на каждом шагу. На всем вышеозначенном пространстве положительно не было ни одной квадратной сажени уцелевшей травы; тростник и молодой тальник были также съедены дочиста. Мало того, киргизы обрубали сучья всех решительно тополей, растущих рощами по берегу Урунгу. Множество деревьев также было повалено; кора их шла на корм баранов, а нарубленными со стволов щепками кормились коровы и лошади.

От подобной пищи скот издыхал во множестве, в особенности бараны, которые возле стойбищ валялись целыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поедать такого количества дохлятины? она гнила и наполняла заразою окрестный воздух.

Притом помет тысячных стад чуть не сплошной массой лежал по всей долине средней Урунгу.

Грустный вид представляла эта местность, довольно унылая и сама по себе. Словно пронеслась здесь туча саранчи — даже нечто худшее, чем саранча. Та съела бы траву и листья; на Урунгу же не были пощажены даже деревья. Их обезображенные стволы торчали по берегу реки, словно вкопанные столбы; внизу же везде валялись груды обглоданных сучьев.

Так ознаменовали свой проход и временное стойбище несколько тысяч кочевников.

Что же было, невольно думалось мне, когда целые орды тех же номадов шли из Азии в Европу! Когда все эти гунны, готы и вандалы тучами валили на плодородные поля Галлии и Италии! Какой карой божьей должны были они тогда казаться для культурных местностей Западной Европы! К счастью, молодая трава к половине апреля уже начала отрастать, и корма для выючных животных нашлось достаточно, иначе мы не могли бы пройти вверх по Урунгу.

Невдалеке от вышеупомянутого сворота гученской дороги начинается верхнее течение Урунгу, которая образуется здесь из трех рек: Чингила — главной по величине, и двух, близко друг от друга в тот же Чингил впадающих, — Цагангола и Булугуна.

От устья последнего соединенная река принимает название Урунгу и сохраняет это название до впадения в озеро Улюнгур.

Пройдя верст сорок вверх по Булугуну, мы встретили невдалеке от реки небольшое озеро Гашун-нор, имеющее версты четыре в окружности и воду немного горьковатую.

Глубина этого озера невелика; из рыб в нем водятся крупные караси и окуни. На Гашун-норе мы пробыли четверо суток и отлично поохотились на кабанов.

Кабаны в обилии держались невдалеке от нашей стоянки, по зарослям лозы и тростника на берегах Булугуна. Площадь этих зарослей была здесь не обширная: версты две в длину и около версты в ширину; притом лоза и тростник скупивались небольшими островами. Тем не менее кабанов собралось множество, вероятно потому, что здесь не было кочевников; на нижнем же и на верхнем Булугуне везде жили тургоуты. Самки кабанов в это время уже имели поросят, иногда довольно взрослых: ходили обыкновенно стадами по несколько выводков вместе. Старые самцы держались в одиночку. Те и другие вообще были не пугливы, хотя довольно чутки.

Ранним утром, еще на заре, отправлялись мы с несколькими казаками в обетованные заросли и шли цепью, осторожно высматривая кабанов. Последние обыкновенно ранее замечали нас, бросались на уход и набегали на кого-нибудь из охотников. Иногда подобным образом наскакивало целое стадо, так что глаза разбегались, в которого зверя стрелять. При такой суматохе немало было промахов, еще более уходило раненых; но все-таки мы добыли несколько кабанов, в том числе одного старого самца длиною в 5 футов 8 дюймов, высотой в 3 фута и весом около 10 пудов.

Больших экземпляров, по словам туземцев, здесь не встречается, чему можно верить, так как азиатский кабан вообще меньше европейского.

Добытый на Булугуне старый кабан наскочил на меня очень близко, притом почти на чистом месте, так что я успел посадить в зверя четыре пули из превосходного двуствольного скорострельного штуцера Ланкастера, подаренного мне моими товарищами, офицерами генерального штаба. Этот дорогой для меня подарок сопутствовал мне в двух экспедициях и немало послужил на различных охотах.

Берданки же, с которыми охотились казаки, несмотря на свою меткость, весьма малоубойны именно потому, что пуля имеет малый калибр и громадную начальную скорость.

* * *

В пространстве между Алтаем на севере и Тянь-шанем на юге расстилается обширная пустыня, для которой, по общему названию этой части Центральной Азии, может быть приурочено название пустыни Чжунгарской. На западе она также резко ограничивается Сауrom и теми горными хребтами (Семиз-тау, Орхочук, Джаир и Майли), которые тянутся от Тарбагатай к Тянь-шаню. На востоке описываемая пустыня, много суженная тем же Алтаем и тем же Тянь-шанем, непосредственно соединяется со степями и пустынями Центральной Азии, известными под общим названием Гоби.

В северной и восточной частях Чжунгарской пустыни почва состоит из острого щебня и гравия? продуктов разложения местных горных пород. На западе же и в особенности на северо-западе преобладают залежи лёссовой глины; на юге раскидываются сыпучие пески, которые в окрестностях озера Аяр-нор мешаются с мелкими солеными озерами и обширными солончаками.

Вышеназванная лёссовая глина, столь распространенная во Внутренней Азии и известная китайцам под названием куанг-ту, представляет собой серовато- или беловато-желтую массу, состоящую из мелкоземистой глины, мельчайшего песка и углекислой извести. Вся масса лёсса проникнута, наподобие губки, множеством мельчайших, часто инкрустированных известью трубочек или пор, происшедших от истлевших травянистых растений. Эти трубочки вместе с известью настолько крепко цементируют лёсс, что последний в сухом виде хотя и представляет породу нежную, мягкую, легко растирающуюся между пальцами, но тем не менее под влиянием удобно просачивающейся внутрь воды, а также ветров и других атмосферных деятелей на готовые обнажения образует вертикальные обрывы в несколько сот футов высотой и дает правильные параллелепипедальные оползни. Такое свойство обрываться вертикальными оползнями вместе с пористым сложением и отсутствием слоистости составляет характерные особенности лёсса. Кроме того, в нем благодаря присутствию той же извести нередко образуются мергельные стяжения (конкреция*).

Наконец, в лёссе встречаются ископаемыми лишь сухопутная и пресноводная фауны, но никогда фауна морская. * Конкреция — скопление минералов либо минеральных солей в горных породах. (Примеч. редактора.)

О происхождении лёсса было высказано много мнений, но вероятнее всего, что он образовался в лишенных стока бассейнах из осадков атмосферной пыли, столь обильной и постоянной во Внутренней Азии. Местами эти воздушные

осадки вымыты были из своего первоначального залегания водой и вновь отложены в озерах. Таким путем получился вторичный, озерный лёсс, который отличается от первичного, или сухопутного, более бледным цветом, отсутствием пористости, большим содержанием соли, а также включением прослоек песка и гальки.

Благодаря чрезвычайной тонкости своих составных частей, прекрасному механическому их смешению и по большей части выгодному процентному содержанию солей лёсс при орошении необыкновенно плодороден. Во всех культурных местностях Внутренней и Восточной Азии, до Китая включительно, он играет роль нашего чернозема. Из лёсса же возводятся там и все постройки, так как, будучи смоченной, эта глина делается весьма вязкой, а высыхая на солнце, твердеет как камень.

На юго-восточной окраине Центральной Азии и в западных частях собственно Китая лёссовая почва, будучи размыта реками во всю свою толщину, обнажает мощные пласты, иногда до 2000 футов по вертикали. В Гобийской же пустыне при крайней бедности атмосферных осадков и отсутствии стекающих к океану вод лёссовые залежи лишь изредка и обыкновенно незначительно изборозжены. Здесь лёссовый осадок то в чистом виде, то в смеси с продуктами разложения местных горных пород, то, наконец, покрытый массами сыпучего песка, выполняет глубокие котловины, трещины и впадины горного скелета, чем придает стране однообразный равнинный характер.

По своему климату Чжунгарская пустыня не отличается от всей Гоби вообще. Как там, так и здесь главной характеристикой климатических явлений служат огромная сухость воздуха при малом количестве атмосферных осадков в течение всего года; резкие контрасты летнего жара и зимнего холода; наконец, обилие бурь, в особенности весной.

Растительность Чжунгарской пустыни крайне бедна и в общем мало отличается от наиболее бесплодных частей всей Гоби. Как там, так и здесь на почве песчаной, в особенности если к ней примешано немного лёссовой глины, флора все-таки разнообразнее, нежели на площадях чисто лёссовых или покрытых щебнем; солончаки еще того бесплоднее. В горных же группах, изобильных в восточной части описываемой пустыни, растительная жизнь несколько богаче.

Деревьев в Чжунгарской пустыне нигде нет. Из кустарников преобладает саксаул, маленькая эфедра, хвойник и низкорослая, издали похожая на траву, реамюрия.

Последняя растет почти исключительно на лёссовой глине; саксаул и эфедра, напротив, изобилуют на песках. Здесь же обыкновенны: копеечник и джугун, а из трав — полынь и какой-то мелкий злак.

Из всех вышепоименованных растений самые замечательные, конечно, саксаул и дырисун. Оба они свойственны всей Внутренней Азии — от пределов собственно Китая до Каспийского моря. Много раз придется еще нам встречаться с этими дарами Азиатской пустыни, поэтому расскажем теперь о них несколько подробнее.

Саксаул принадлежит, как известно, к семейству соляноквых растений, имеет безлистные, похожие на хвощ и притом вертикально торчащие ветви. Само растение, называемое монголами «зак» (дзак), является в форме корявого куста или дерева, иногда до 2 сажен высотой, при толщине ствола у корня от 1/2 до 3/4

фута.

Впрочем, подобных размеров саксаул достигает не часто и то в самых привольных для себя местностях, как, например, в северном Ала-шане — там царство саксаула.

Последний всегда растет на голом песке и притом врассыпную. Рядом с живущими экземплярами обыкновенно торчат или валяются экземпляры уже иссохшие, так что саксаульный лес, если только можно так его назвать, имеет самый непривлекательный вид даже в пустыне, тем более что описываемое растение почти не дает тени; песчаная же почва саксаульных зарослей лишена всякой другой растительности и почти всегда выдута бурями в виде бесконечно чередующихся ям и бугров.

Для номадов пустыни саксаул составляет драгоценное растение: дает хороший корм верблюдам и доставляет превосходный материал для топлива. Древесина описываемого растения чрезвычайно тяжелая и крепкая, но до того хрупкая, что даже большой ствол разлетается на части при ударе обухом топора. Следовательно, на постройки саксаул не годен; да и не найти в нем хотя бы двухаршинного ровного бревна. Зато горит превосходно; даже сырые ветки, которые, как у многих солянковых растений, чрезвычайно обильны соком, вероятно потому, что очень плотная наружная кожа препятствует даже в сухом климате пустыни испарению вытянутой корнями влаги.

Саксаульные дрова, словно каменный уголь, горят очень жарко и, перегорев, еще надолго сохраняют огонь. Цветет саксаул в мае мелкими, чуть заметными желтыми цветочками; семена также мелкие, плоские и крылатые, серого цвета, густо усаживают ветви и поспевают в сентябре.

Саксаульные заросли дают пищу и приют для некоторых животных пустыни. В них укрываются волки и лисицы, но всего обильнее песчанки, которые выкапывают норы в песчаных буграх; питаются же влажными ветками описываемого растения, следовательно, могут обходиться без воды. Кроме того, саксаул едят антилопы хара-султы, зайцы и (в Чжунгарии) дикие верблюды. Вероятно, им также пользуются при сильной засухе и другие травоядные звери пустыни.

Оседлых птиц в саксаульниках держится немного. Всего чаще здесь встречаются саксаульный воробей и саксаульная сойка. Летом по саксаулу также мало гнездится пернатых, но на пролете в саксаульных зарослях находят для себя временный отдых и кое-какую пищу многочисленные птички. Пресмыкающиеся (ящерицы, змеи) в саксаульниках редки; земноводные не живут вовсе.

Другое, еще более важное для обитателей пустыни растение принадлежит к семейству злаков и называется монголами «дырисун», киргизами — «чий».

Подобно саксаулу, дырисун распространен по всей Внутренней Азии.

В Монголии дырисун растет всего обильнее по долине Желтой реки, там, где она огибает Ордос; встречается спорадически и всегда лишь небольшими площадями. На Тариме, в Гань-су и Северном Тибете дырисун не растет вовсе; на Куку-норе и в Цайдаме довольно редок.

Везде описываемый злак избирает для себя почву глинисто-соленую и притом хотя немного влажную, но настоящих солончаков избегает. Растет дырисун отдельными кустами и достигает от 5 до 6, иногда даже от 7 до 9 футов вышины. Каждый такой куст у своего основания представляет кочкообразную массу от 1 до 3 футов в диаметре. Отсюда весною выходят новые побеги; старые же стебли,